

Л. М. Глушкина

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ ГОМЕРОВСКОГО ГИМНА К АПОЛЛОНУ ПИФИЙСКОМУ

Большой интерес для ранней истории Дельфов представляет Гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому, где рассказывается об основании оракула в Дельфах. Это произведение, изучавшееся до сих пор главным образом как памятник литературного творчества, является важным источником, который дает возможность поставить ряд проблем ранней истории Дельфов в период, предшествовавший первой Священной войне.

Гомеровский гимн к Аполлону дошел до нас в ряде списков, содержащих, наряду с поэмами Гомера, более 30 гимнов, обращенных к богам. Об этом гимне написаны сотни страниц, посвященных главным образом вопросу о литературных достоинствах, стилистических особенностях и композиционных приемах произведения. Большое место занимает полемика по вопросу о составных частях гимна, исторические данные привлекаются лишь попутно, для подтверждения датировки или определения умонастроений автора. Нас же гимн Аполлону, вернее часть его, посвященная Аполлону Пифийскому, интересует прежде всего как самый ранний из известных нам источников о дельфийском оракуле, который дает связную историю его основания и намечает некоторые линии будущей организации святилища.

Еще в 1782 г. голландским филологом Рункеном было сделано наблюдение, что перед нами два самостоятельных гимна, объединенных впоследствии в силу общности темы¹. Аргументация Рункена была весьма краткой: считать стихи 175—178 концом первого гимна побуждает не только логика, но и свидетельства античных писателей — Фукидида (III, 104) и Элия Аристида, которые, цитируя эти стихи, говорят, что автор (Гомер) на этом закончил свою песню. После Рункена в течение долгого времени в науке господствовало высказанное им мнение, и это нашло свое отражение в изданиях гимна, где печатались отдельно гимн к Аполлону Делосскому и гимн к Аполлону Пифийскому².

Однако вскоре на судьбе гимна сказались приемы и методы гомеровской критики. Вместо двух гимнов исследователи начали усматривать тут собрание разрозненных самостоятельных песен, объединенных без всякой

¹ См. D. Ruhnken, *Epistola critica in Homeri hymnos*, I, Leiden, 1782, стр. 7—8.

² Так, например, в изданиях гимна: Ilgen, 1796 г., Baummeister, 1860 г. Против Рункена в конце XIX в. решительно выступил Гемолль, который издал гимн к Аполлону как единое целое (A. Gemoll, *Die homerischen Hymnen*, Lpz, 1886, см. предисловие, стр. 112 сл.).

связи волей распада; каждую часть, в свою очередь, разделили на шесть-восемь и более эпизодов¹. Так же как и гомеровские поэмы, гимн стали читать «с ножом в руке»². Реакция на чрезмерное увлечение дроблением гимна сказалась в том, что в последнее время снова восторжествовала точка зрения дорункеновского периода. Издатели печатают гимн как единое целое³, аполлоновскому гимну посвящаются специальные исследования, доказывающие композиционное единство произведения⁴.

Поскольку вопрос о единстве гимна является спорным в современной филологической литературе, а нас интересует тенденция пифийской части, являющейся, по нашему мнению, самостоятельным произведением, рассмотрим аргументы сторонников обоих мнений. Рункен, не подозревавший, сколь много споров вызовет толкование вопроса о единстве гимна, был очень лаконичен в своей аргументации. Как уже было отмечено, он ссылается на содержание гимна и на свидетельства двух авторов древности.

При внимательном чтении большого гимна в честь Аполлона отчетливо выступают две резко отличающиеся по своей тенденции части — первая прославляет Аполлона Делосского и ионийский культ на Делосе, вторая возвеличивает дельфийский оракул. Как указал уже Рункен, это впечатление подтверждается свидетельством Фукидида. Поскольку это свидетельство пытаются привлечь для доказательства и противной точки зрения⁵, рассмотрим контекст. Фукидид в 104-ой главе III книги рассказывает, что афиняне произвели в соответствии с оракулом очищение острова Делоса и организовали празднование Делий. И в прежние времена, указывает историк, на Делос съезжались ионяне и жители островов с женами и детьми. Об этом свидетельствует Гомер в стихах из поэмы Аполлона (ἐκ προομίῳ Ἀπόλλωνος). В подтверждение того, что на Делосе происходили музыкальные состязания, Фукидид цитирует стихи 165 слл. «из того же поэмы», предваряя их следующими словами: «Воспев делосский хор женщин, он стал завершать хвалебную песню словами, в которых упомянул и самого себя» (τὸν γὰρ Δηλιακὸν χορὸν τῶν γυναικῶν ὑμνήσας ἐτελεύτα τοῦ ἑκαίνοιο ἐς τὰδε τὰ ἔπη ἐν οἷς καὶ ἑαυτοῦ ἐπεμνήσθη). Если слово ἑκαίνοιο считать синонимом слова ὕμνος, то речь идет о строках, завершающих гимн, и это свидетельство Фукидида подтверждает, что делосский гимн существовал в его время как самостоятельное произведение. Однако некоторые исследователи полагают, что Фукидид говорит здесь не об окончании поэтом гимна, а о том, что он завершает восхваление хора делиянок. Так, Дорнсейф посвятил специальную заметку слову ἑκαίνοιο⁶, доказывая, что оно имеет смысл «похвала», «хвала» (Lob), а не «хвалебная песнь» (Lobgedicht).

Слово ἑκαίνοιο в действительности может иметь и тот и другой смысл, поэтому следует рассмотреть контекст приведенного места. Якоби, переводя слово ἑκαίνοιο «хвалебная песнь», говорит, что при другом тол-

¹ См., например, A. L u d w i c h, *Homer. Hymnenbau*, Lpz, 1908, стр. 159 слл.; ср. E. B e t h e, *Der homerische Apollonhymnos und das Prooimion*, B., 1931, (*Verh. d. Sächs. Akad. d. Wiss.*, Phil.-hist. Kl., B. 83, 2 H.).

² См. F. D o r n s e i f f, *Nochmals der homerische Apollonhymnos*, Greifsw. Beitr., H. 8, 1935, стр. 12.

³ См., например, *The Homeric Hymns*, ed. by T. W. Allen, W. R. Halliday and E. E. Sikes, 2 ed., Oxf., 1936.

⁴ F. D o r n s e i f f, *Die archaische Mythenerzählung*, B., 1933, стр. 3 слл.; он же, *Nochmals der homerische Apollonhymnos*, 1935, стр. 11 слл.; он же, *Was heisst «ἑκαίνοιο?»*, *Phil. Wschr.*, 1934, № 19-20, стб. 559.

⁵ См. Allen-Sikes, *Hom. Hymns*, Introduction, LXV сл.; ср. F. D o r n s e i f f, *Nochmals der homerische Apollonhymnos*, стр. 11—13.

⁶ См. F. D o r n s e i f f, *Was heisst «ἑκαίνοιο?»*, стб. 559—560; ср. он же, *Nochmals...*, стр. 15—16.

ковании оно повторяло бы понятие, заключенное в ὑμῆσας¹. Дорнсейф справедливо возражает ему, указывая, что язык Фукидида отличается богатством синонимов и поэтому этот аргумент в пользу перевода — «хвалебная песнь» — несостоятелен².

Между тем нет нужды сосредоточивать внимание на толковании слов ἔπαινος и κροοίμιον³. Сопоставление глагольных форм в тексте позволяет отчетливо установить, что хотел сказать автор. ὑμῆσας — форма причастия аориста. Причастие аориста, как известно, имеет в греческом языке не временное, а видовое значение и выражает законченность действия. Поэт воспел хор делиянок, с этим покончено.

Следующая глагольная форма ἐτέλεστα стоит в имперфекте. Перевести можно только так: закончив восхваление делиянок, рапсод стал завершать свою песню (в честь бога).

Другим свидетельством, подтверждающим наше толкование указанного места Фукидида, является упоминание гимна у ритора II в. н. э. Элия Аристиды⁴: «Сам Гомер говорил делиянкам, что он наилучший певец, и, заканчивая проэгий, просил их прославлять его имя». Рункен полагал, что Аристид сам не читал гимна, а знает его по цитате у Фукидида. Вряд ли возможно, чтобы Аристид, сам писавший гимны, не изучил своих предшественников⁵. Сторонники единства гимна заявляют, что Аристид читал Фукидида, но не понял его⁶. Независимо от того, читал ли Аристид подлинный гимн или знает его только по цитате у Фукидида, несомненным представляется следующее: или свидетельство Аристиды подтверждает правильность нашего понимания текста Фукидида, или оно является самостоятельным подтверждением того, что делосский гимн существовал отдельно от пифийского. Другие упоминания у античных авторов о гимне к Аполлону не имеют самостоятельного значения для решения интересующего нас вопроса.

Итак, перед нами два гимна к Аполлону, некогда существовавшие самостоятельно, затем слившиеся воедино. В науке существует попытка примирить обе крайние точки зрения по вопросу о единстве нашего гимна. Виламовиц, а вслед за ним Якоби⁷ высказали предположение, что пифийский гимн задуман и создан позднее делосского, но не как самостоятельное произведение, а как продолжение (Fortsetzung) первого. Бездарный автор пифийского гимна (Stümpfer, по выражению Виламовица) следует композиционным приемам своего даровитого собрата и кое-что изменяет в первоначальной редакции делосского гимна, чтобы создать некое единство, но делает это неуклюже и неумело. Одновременно с расширенным и дополненным гимном, по мнению Виламовица, некоторое время продолжает

¹ См. F. Jacoby, Der homerische Apollonhymnos, SPAW, Phil.-hist. Kl., XV (1933), стр. 691 слл.

² См. F. Dornseiff, Phil. Wschr., 1934, стб. 559.

³ Слово κροοίμιον рано утратило свое значение только вступительной части, исполняемой перед большими рапсодиями, и стало синонимом слова ὕμνος. См. Allen — Sikes, Hom. Hymns, preface, XCIII сл.; F. Dornseiff, Was heisst..., стб. 560; он же, Nochmals..., стр. 19, прим. 12; ср. F. Pfister (ред. на работы о гомеровском гимне к Аполлону), Phil. Wschr., 1933, стб. 939.

⁴ См. Aristides orat. κατὰ τῶν ἐξορχουμένων 409, ed. Dindorf, II, стр. 558—559.

⁵ См. F. Pfister, ук. соч., стб. 147.

⁶ См. Allen — Sikes, Hom. Hymns, Introduction, LXXI; ср. E. Dreyer, Der homerische Apollonhymnos, «Mnemosyne», V (1937), стр. 101, прим. 2; ср. F. Dornseiff, Die archaische Mythenerzählung, стр. 14, прим. 1.

⁷ См. U. v. Wilamowitz, Die Ilias und Homer^a, В., 1920, стр. 441 и 455; F. Jacoby, ук. соч., стр. 683 слл.; ср. А. Н. Деревницкий, Гомерические гимны, Харьков, 1889, стр. 84: «Делосский гимн — творение даровитого подражателя Гомера. Пифийский гимн — подражание подражанию»

самостоятельное существование и делосский гимн в своем первоначальном виде. Архетип нашей рукописной традиции уже учел обе редакции.

Нам представляется, что ярко выраженная политическая тенденция пифийского гимна не позволяет согласиться с мнением Виламовица, будто пифийская часть гимна к Аполлону никогда не существовала самостоятельно, а всегда была только продолжением делосского гимна. Пифийский гимн настолько тесно связан с Дельфами и в такой мере выражает чаяния дельфийского жречества в известный исторический период, что можно считать его написанным по определенному заданию. Рапсод следовал художественным приемам своего старшего собрата по делосскому гимну, но этим ограничивается первоначальная связь обоих гимнов. Трудно сказать, когда и при каких обстоятельствах произошло слияние их в один гимн. Несомненно, что в период жизни Фукидида делосский гимн существовал самостоятельно. Когда вопросы, затронутые в пифийском гимне, потеряли актуальное значение, он стал восприниматься просто как хвалебная песня в честь Аполлона и мог исполняться вместе с делосским. А за одновременным исполнением гимнов могла последовать и совместная запись их. В таком виде традиция сохранила нам гимн.

Об авторе пифийского гимна нет никаких свидетельств. У Фукидида (III, 104) автором делосской части назван Гомер, а в схолиях к Пиндару (ad Nem., II, 1) — Кинаф. Александрийские критики (Аристофан, Аристарх) не считали Гомера автором гимнов. Александрийские грамматиканы никогда не обращаются к гомеровским гимнам для доказательства своих утверждений о гомеровском языке¹.

Нам неизвестны ни имя рапсода, ни какие бы то ни было сведения о личности его. Перед нами произведение безымянного поэта, преданного идее возвеличения Дельфов и дельфийского жречества.

Важнее для нашей цели вопрос о дате написания гимна. Попытки датировать его на основании данных языка (наличие или отсутствие дигаммы) не дали положительных результатов. Следы наличия дигаммы в гимне еще не доказывают раннего времени его создания, ибо гимн изобилует гомеровскими реминисценциями, где могут быть сохранены без изменения черты гомеровского языка². Гимн приходится датировать на основе анализа его содержания. В стихах 261/83³ слл. богиня источника Тельфуса советует Аполлону избрать другое место для основания храма, так как здесь его будет тревожить конский топот, а вид нарядных колесниц может отвлекать внимание от храма. Ввиду этого издатели и комментаторы гимна полагают, что он написан до введения состязания колесниц на пифийских играх, т. е. до 586 года.

В гимне несколько раз упоминается Криса, разрушенная, как известно, в результате первой Священной войны. Это дает основание относить гимн к периоду, предшествовавшему войне, т. е. не позднее конца VII в. до н. э.⁴ О древности гимна свидетельствует и то, что он не упоминает об атрибутах дельфийского святилища, как, например, Омфалос, Пифия; не упоминается

¹ См. Allen — Sikes, *Hom. Hymns, Introduction, LXXIX, CV.*

² E. Windisch, *De Hymnis Homericis majoribus, Lipsiae, 1867, стр. 11.* В пифийской части гомеровского гимна к Аполлону из 368 стихов 38 почти без изменений взяты из гомеровских поэм. Из всех гомеровских гимнов ближе всего по языку к гомеровским поэмам гимны к Аполлону Пифийскому и Афродите; ср. Allen — Sikes, *Hom. Hymns, CV.*

³ В двойной нумерации числитель обозначает порядковый номер стиха в объединенном издании гимна, а знаменатель — номер стиха пифийского гимна, рассматриваемого как отдельное произведение. Нумерация стихов дается по изданию Allen — Sikes.

⁴ См. Hiller von Gaertringen, *Delphoi, RE, IV (1901); U. v. Wilamowitz, Ilias und Homer², B., 1920, стр. 441; он же, Pindaros, 1922, стр. 73—74; H. W. Parkes, A History of the Delphic Oracle, Oxf., 1939, стр. 125—126.*

культ Диониса, название «Дельфы»¹. В качестве *terminus ante quem* выдвигается и 548 год, год пожара дельфийского храма, так как в гимне сказано, что храм, построенный Трофонием и Агамедом, будет всегда предметом воспевания².

Ряд признаков свидетельствует о древности нашего гимна. Однако трудно сколько-нибудь точно датировать его.

Нам представляется весьма вероятным, что пифийский гимн написан незадолго до Первой Священной войны в период подготовки ее дельфийским жречеством. Создание коалиции нескольких государств, выступающих в защиту святилища, несомненно требовало известной подготовительной работы заинтересованной стороны. Пифийский гимн, по нашему мнению, возник под непосредственным влиянием дельфийского жречества и скорее всего написан по прямому его заказу. Отмечаемая всеми исследователями слабая литературная одаренность автора говорит в пользу последней версии. Дельфийскому жречеству нужен был гимн, прославляющий и возвеличивающий Дельфы. Для составления его используются композиционные приемы уже существующего делосского гимна, написанного талантливым рапсодом. Возникает естественный вопрос: в какой период дельфийской истории жречество было заинтересовано в создании произведения, прославляющего не деятельность оракула, а историю его возникновения. В гимне говорится не об изречениях оракула, вещающих божественную истину, рассказах о которых пестрит история Геродота³, а о выборе богом места для организации первого оракула людям, о призвании им критян в качестве жрецов, об уничтожении злого чудовища, вредящего окрестному населению. Дельфы в это время, повидимому, еще не находятся в зените своей славы, не стали еще общепризнанным панэллинским религиозным центром. Влияние дельфийского оракула пока распространяется только на северные области Греции и Пелопоннес. Дельфам важно укрепить авторитет своего святилища, возвестить, что здесь — главный центр культа Аполлона.

Рассмотрим, каким образом автор гимна выполняет поставленную перед ним задачу. Аполлон спускается с Олимпа, минуя Фессалию, Евбею, Беотию, но нигде не находит удобного места для основания своего оракула. Лучшее место в мире для святилища Аполлона — Дельфы, оно избрано самим богом в результате долгих поисков. Дельфийский храм превыше всех других святилищ Аполлона, ибо он построен руками самого божества с помощью любезных богам сыновей Эргина — Трофония⁴ и Агамеда (ст. 296/118).

Пустынный характер места, куда явился Аполлон для основания храма, подчеркнут всем предыдущим содержанием гимна. Аполлон приходит в в Крисейскую равнину, к Крисе. Автор очень подробно перечисляет географические имена. Фивы названы, хотя и сказано, что они еще не были заселены в это время⁵. Ничего не сказано о каком бы то ни было поселении на месте будущего храма. Автор пифийского гимна на-

¹ Пифия впервые упоминается у Феогнида (807), Дельфы — у Гераклита (fr. 93 = Plut., Moral., 404 с.).

² См. «Hom. hymn. in Apoll.», 299/121: ... ἀοιδῶν ἐμμεναί αἰεί.

³ См. Н е г., I, 46—48, 65, 90—91; V, 92; VII, 220; VIII, 114; IX, 33, 35.

⁴ Если вспомнить, что в Лебадее существовал старинный оракул Трофония, то в гимне явно проглядывает тенденция показать, что этот оракул не имеет такого значения, как оракул Аполлона, ибо Трофоний лишь помощник Аполлона; рассказ Геродота (I, 46—48) об испытании Крезом оракулов несомненно заимствован из дельфийских легенд, служащих к возвеличению Дельфов, и показывает, что жречество неутомимо трудилось в этом направлении, ведя борьбу с конкуренцией других святилищ.

⁵ См. Allen — Sikes, Hom. Hymns, стр. 193. Древность Дельфов показана за счет Фив. В гимне (ст. 225 сл./ 47 сл.) место Фив еще покрыто лесом и не заселено.

мерно не говорит о доаполлоновских обитателях Дельфов. Все здесь дело рук бога — и храм, и жрецы, и даже окрестное население. Понятно поэтому, что гимн не упоминает о людях, живших в окрестностях Дельфов до прихода туда бога. Если правильно даваемое нами ниже толкование стихов 298—299 (=120—121) гимна, то Аполлону приписывается также заслуга заселения окрестностей храма.

Обратимся к тексту интересующего нас места.

294/116 слл. Ὡς εἰπὼν διέθηκε θεμελίαια Φοῖβος Ἀπόλλων
 Εὐρέα καὶ μάλα μακρὰ διαμπερές· αὐτὰρ ἐπ' αὐτοῖς
 Λαίον οὐδὸν ἔθηκε Τροφώνιος ἦδ' Ἀγαμήδης
 Γίτες Ἐργίνου φίλοι ἀθανάτοισι θεοῖσιν.

298/120 Ἄμφι δὲ νηὸν ἔνασσαν ἀθέσφατα φύλ' ἀνθρώπων

299/121 Κτιστοῖσιν λάσσειν αἰοίδιμον ἔμμεναι αἰεὶ.

Перевод строк 294—297 (=116—119) не вызывает сомнений. «Так сказав, раскинул Фэб Аполлон широкие и длинные основания. Тотчас на них воздвигли каменный порог Трофоний и Агамед, сыновья Эргина, любезные бессмертным богам».

Трудности возникают при переводе строк 298—299 (=120—121).

Так как в строке 299/121 стоит слово *λάσσειν* «каменьями», то *ἔνασσαν* предыдущей строки обычно переводят словом «построили», а рукописное *κτιστοῖσι*, по предложению Ernesti, изменили на *ἔσσοῖσιν*. При этом получился следующий перевод: а вокруг бесчисленные племена людей построили храм из отполированных камней, дабы быть ему воспеваемым вечно. Конъектура Ernesti принята большинством издателей, она дает хороший смысл для перевода строки 299/121. Однако эта конъектура приемлема только в том случае, если *ἔνασσαν* предыдущей строки переводить «построили». Между тем *ἔνασσαν* не имеет такого значения. Глагол *καίω* «жить» в аористе имеет каузативное значение — поселять, давать для поселения. В «Одиссее» (IV, 174 слл.) встречается форма первого лица аориста в следующем контексте: Менелай говорит Телемаху, что он надеялся принять у себя Одиссея.

Καὶ κε οἱ Ἄργεϊ νάσσα πόλιν καὶ δώματ' ἔτευξα
 Ἐξ Ἰθάκης ἀγαγὼν σὺν κτήμασι καὶ τέκει ᾧ
 Καὶ πᾶσιν λαοῖσι; μίαν πόλιν ἔξαπάλαξας.
 Αἰ περιαιετᾶουσιν

«Я бы дал ему в Аргосе город для поселения и построил жилище, приведя из Итаки со всеми домохадцами, освободив один из окрестных городов». У Пиндара (Pyth. V, 94) встречается 3-е лицо аориста с дополнением:

Ἐν Ἄργεϊ τε καὶ ζαθέα Πύλω ἔνασσεν
 Ἀλκάντας Ἡρακλέος ἐκγόνους

«он (sc. Аполлон) поселил в Аргосе и священном Пилосе мужественных потомков Геракла». Аорист *passivi ἐνάσθη* «был поселен» (II., XIV, 119) также заставляет допускать существование переходного действительного залога в смысле «поселил»¹.

В словарях Passow'a, Pappe, Seiler Capel² Liddell — Scott единственным примером употребления *καίω* в значении «строить, сооружать жилище» являются строки 298/120 гомеровского гимна к Аполлону. Словари не приводят другого случая, кроме нашего гимна, в котором аорист действительного залога от *καίω* можно было бы перевести «построили».

¹ Ср. Hesiod, Op., 641: *νάσσατο ἀγχ'* «Ἐλικῶνος οἴζυρῃ ἐνὶ κόμῃ «поселился, около Геликона в жалкой деревне».

² «Vollst. Wörterbuch über die Gedichte des Homeros und der Homeriden», 1889, стр. 397—398.

Автор пифийского гимна не был даровитым поэтом, создающим новые словосочетания и формы. Он следует за хийским рапсодом и за Гомером. Вправе ли мы предполагать, что этот гимн употребляет слова в новом смысле, не встречающемся более нигде в эпическом языке? В гимне несколько раз встречается выражение «построить храм»: ст. 221/43 и 245/67 — τεύξασθαι νηόν; 258/80 — τεύξαι περικαλλέα νηόν; 286/108 — νηόν ποιήσασθαι. В рассматриваемом нами месте естественно было бы ожидать вместо ἐνασσαυ обычное слово — «построили» (ἐτεύξαν), метрически вполне рваноеценное форме ἐνασσαυ.

Следует отметить еще и то, что в гомеровских поэмах словосочетание λάϊνος οὐδός («каменный порог») часто является синонимом слова ναός и как раз в отношении дельфийского храма. В «Илиаде» (IX, 404 слл.) Ахилл говорит, что жизнь ему дороже всего, в том числе и сокровищ пифийского святилища: οὐδ' ὄσα λάϊνος οὐδός ἀφήτορος ἐντός ἐέργει Φοῖβου Ἀπόλλωνος Πυθοῖ ἐν πετρήεσση. В «Одиссее» (VIII, 79): ὧς γάρ οἱ χρεῖων μυθήσατο Φοῖβος Ἀπόλλων Πυθοῖ ἐν ἠγαθέη, ὅθ' ὑπέρβη λάϊνον οὐδόν χρησόμενος. . . В обоих случаях «каменный порог в Пифо» означает в контексте не что иное как дельфийский храм. Следовательно, описание строительства храма в гимне можно считать завершенным, когда на заложенном Аполлоном фундаменте Трофоний и Агамед воздвигли λάϊνος οὐδός. Поэтому мы вправе и здесь понимать ἐνασσαυ в обычном смысле «они поселили», не пасиуля семантики глагола καίω. В этом случае ἀθέσφατα φύλ' ἀνθρώπων является винительным дополнением к ἐνασσαυ (ср. Pind., Pyth., V, 64).

Речь идет о поселении и вокруг храма многочисленных племен, для которых он явится объектом вечного поклонения.

В пользу нашего толкования этого места говорит и то, что в гимне везде, где говорится об основании оракула, следует повторяющийся рефрен о людях, которые являются его клиентами и почитателями. Приведем несколько примеров. Ст. 214/36: как ты в поисках первого для людей оракула шел по земле; ст. 247/69: и тут я думаю основать прекраснейший храм, оракул для людей, которые будут всегда пригонять мне совершенные гекатомбы; ст. 258/80: так как ты думаешь построить здесь прекраснейший храм, чтобы он был прорицалищем для людей, которые тебе всегда будут пригонять совершенные гекатомбы; ст. 268/90: построй храм в крисейской долине... славные племена людей станут приносить дары; ст. 273/95: а ты, радуясь душой, будешь принимать прекрасные жертвы от живущих вокруг людей; ст. 287/109: здесь я думаю построить прекраснейший храм, дабы быть ему оракулом для людей, которые мне всегда будут пригонять сюда совершенные гекатомбы.

В свете этих примеров было бы естественно ждать, что после рассказа об основании храма будут упомянуты будущие его почитатели. Во второй половине стиха 299/121 говорится: ἀοιδῶν ἐμμεναίαιε «дабы быть ему вечно воспеваемым» (без указания субъекта действия). Данное выше толкование ἐνασσαυ в стихе 298/120 делает невозможным сохранение рукописного чтения λάεσσι в стихе 299/121. Если прочесть λαοῖσι, то стих 298/120 получает следующее значение: «дабы быть ему вечно воспеваемым поселившимися вокруг храма народами».

Форма κτιστοῖσι, совершенно непонятная в сочетании с λάεσσι, обычно исправляется в ἔσσοισιν (конъектура Ernesti). При нашем чтении (λαοῖσι) необходимость в этой конъектуре отпадает, но в слове κτιστοῖσι следует читать вместо ο — α (κισταῖσι).

Стихи 298—299 (120—121) ввиду трудности их перевода некоторые критики текста предлагали исключить. Предложенное выше чтение является гипотетическим, но оно позволяет перевести это трудное место с учетом

семантики глагола *κίω* и в большем соответствии со всем контекстом. Таким образом, ст. 298—299 (120—121) следует перевести: вокруг храма они поселили бесчисленные племена людей, дабы быть ему (sc. храму) вечно воспеваемым поселившимися вокруг храма народами.

Итак, пифийский гимн возвеличивает роль Аполлона и в заселении окрестностей храма. Дельфы — избранное самим богом место, тут ему всего приятнее быть почитаемым.

В пифийском гимне, в отличие от делосского (ст. 1 слл.), Аполлон выступает как носитель радости, веселья и милосердия.

Содержание песен муз предваряет роль Аполлона, изрекающего смертным волю высших существ. «Люди жалки и ничтожны, им неведомы помыслы бессмертных, они не знают ни защиты от старости, ни средства от смерти», поют музы (ст. 189 слл.; 11 слл.).

Аполлон бродит по земле в поисках места для первого оракула для людей. Дельфийский храм основан не по прихоти бога, желающего получать дары, а прежде всего в интересах смертных, которым будет тут изрекаться «не ложная воля» бога (*νημερτία βουλήν*): заботой о смертных проникнута вся описанная в гимне деятельность бога. Он убивает дракона как вредоносное чудовище, приносившее гибель людям и животным. Кровожадность дракона подчеркнута в гимне, чтобы оттенить справедливый характер убийства его.

Общезвестный, восходящий несомненно к глубокой древности, обычай в Афинах рассматривать дела о так называемом справедливым убийстве в святилище Аполлона Дельфийского¹, свидетельствует о распространении этой ранней версии легенды².

Пифийский гимн, стремясь возвеличить Дельфы, обходит молчанием все другие места культа Аполлона в Средней Греции.

Для получившей отражение в гимне тенденции дельфийского жречества чрезвычайно интересна последняя часть, посвященная прибытию в крисейскую долину критян из Кносса и превращению их в жрецов, служителей дельфийского культа. Аполлон, обратившись в дельфина, заставил кносский корабль, направлявшийся по делам в Пилос, причалить в крисейской гавани. Бог заявляет критянам, что они навсегда останутся здесь и будут знать замыслы бессмертных, по воле которых они будут чтимы все дни (ст. 484—485/ 206—207). Дельфийские жрецы возводят свою генеалогию к знатым и богатым предкам. Так, в стихах 392/214 слл. говорится: были на нем (на корабле) многие знатные люди, критяне из Кносса Миноса, которые владыке приносят жертвы и возвещают установления златооружного Феба Аполлона, что бы он ни сказал, изрекая из лавра под ущельями Парнаса

(..... ἐν δ' ἄνδρες ἔσαν πολέες τε καὶ ἐσθλοὶ
 Κρήτες ἀπὸ Κνωσοῦ Μινωίου οἱ ῥά τ' ἀνάκτι
 ἰερά τε ῥέζουσι καὶ ἀγγέλλουσι θεμίστας
 Φοίβου Ἀπόλλωνος χρυσαόρου ὅτι κεν εἴπη
 χρειῶν ἐκ δάφνης γυάλων ὑπὸ Παρνησοῖο).

Так как формы *ῥέζουσι* и *ἀγγέλλουσι* стоят в настоящем времени, то можно предположить, что в период написания гимна жрецы храма считали себя потомками тех критян, которых некогда привел сюда сам Аполлон (обращает на себя внимание утвердительная частица *ῥά* «ведь... они и теперь»). Это наблюдение чрезвычайно важно для толкования других

¹ См. Arist., Ath. Pol., 57; Plut., Thes., 12.

² См. U. v. Wilamowitz, Aristoteles und Athen, II, B., 1893, стр. 44.

намеков в гимне, которые исследователи неправильно пытаются связать с результатами Первой Священной войны.

Аполлон не только сам избрал себе жрецов, он установил, что они должны жить доходами от храма и не иметь других источников существования. Замкнутая жреческая каста, необычное для Греции явление, в Дельфах существовала с очень раннего времени. В VI в., когда усиливаются антидельфийские настроения, исходящие из демократических кругов Греции, образ жизни дельфийских жрецов, их заинтересованность в получении доли жертвенных животных, жадность и корыстолюбие становятся предметом постоянных насмешек. В легенде об убийстве Эзона также нашла свое отражение критика дельфийских порядков¹. То, что позднее вызывало насмешки и глумление, в гимне утверждается как приказание бога. Дельфийское жречество обосновывает свое право ничем не заниматься, кроме храмовых дел, прямым повелением Аполлона. В ст. 528/350 слл. предводитель критян спрашивает, как они будут жить в месте, где нет ни лугов, ни виноградников. Аполлон отвечает, что их делом будет, держа в руках нож, убивать жертвенных животных, которых в изобилии будут сюда пригонять славные племена людей.

Итак, в пифийском гимне жречество дает историческое обоснование своих прав на долю храмовых доходов.

Эти права, по-видимому, были зафиксированы в статуте дельфийского храма, сложившемся после Первой Священной войны.

Последние строки гимна чрезвычайно трудны для истолкования. Аполлон, пообещав критянам вечные почести и постоянные блага, неожиданно заявляет:

ἔέ τι τῆύσιον ἔπος ἔσσεται ἤέ τι ἔργον
 ὕβρις θ' ἢ θέμις ἐστὶ καταθητῶν ἀνθρώπων
 ἄλλοι ἔπειθ' ὑμῖν σημάτορες ἄνδρες ἔσονται
 τῶν ὑπ' ἀναγκαίῃ δεδμησσοθ' ἤματα πάντα

«А если будет напрасное слово, дело и дерзость, как это свойственно смертным, то повелителями для вас будут другие люди, которым вы будете поневоле подчиняться все дни»

Эти строки обычно толкуют как намек на события, связанные с Первой Священной войной². Аллен, издатель гимна, стоящий на позициях унитаристов, датирует весь гимн VIII—VII веками и потому считает невозможным видеть в нем какие-либо намеки на Первую Священную войну. Он полагает, что дельфийцы, как впоследствии крисыне, облагали паломников ноборами и против них были приняты меры. Впрочем, указывает он, нам ничего не известно об истории Дельфов в VIII в. до н. э.³ Существующие толкования интересующего нас места не представляются убедительными. Они исходят из абстрактных предпосылок и противоречат контексту. Из того, что мы знаем о роли амфиктионов в Дельфах в этот ранний период истории святилища, никак не следует, что они бесконтрольно распоряжались храмом,

¹ См. Schol. Aristoph., Wesp., 1446; Pap. Oxy., XV, fr. 2. и Л. М. Г л у с к и н а, ВДИ, 1954, № 4, стр. 150 слл.

² См., например, Hillel von Gaertingen, ук. соч., стб. 2527: «Это вставка, связанная с предпосылками и следствиями Первой Священной войны. Криси разрушена, ὀρυγόμενος превратились в храмовых рабов»; ср. A. Gemoll (коммент. к ст. 542), который видит тут вслед за Ильгеном намек на амфиктионов. K. O. Müller, Die Dorer, I, Lpz, 1824, 211, усматривает в этих словах предсказание о будущем господстве дорян над критянами. Решительно возражает против такого толкования E. Vouche-Lesleque, Histoire de la divination dans l' Antiquité, III, P., 1880, стр. 94, прим. 1.

³ Allen—Sikes, Hom. Hymns, стр. 191 слл. и 267.

а жрецы выступали в качестве подвластных им служителей. Борьба различных государств внутри Амфикитии ослабляла силу ее влияния на Дельфийское святилище, и в период расцвета оракула, в VII—VI вв., жречество чувствовало себя в достаточной степени независимо. Усматривать тут намек на наказание крисян невозможно уже потому, что Криса несколько раз упоминается в гимне как цветущий город и здесь ни одним словом не говорится о постигшей ее участи. В гимне угроза вложена в уста Аполлону, обращающемуся к критянам, своим жрецам, которые, как ясно из стихов 392/214 слл., оставались жрецами и в момент написания гимна. Но кто же в таком случае и кого наказывает?

Вспомним, что в стихах 531/353 слл. бог запрещает своим служителям обременять себя обычными людскими заботами. В строке, предшествующей угрозе, он говорит: «Охраняйте храм, принимайте племена людей, собирающихся сюда, и мое направление больше всего ...» (*καὶ ἐμὴν ἰθὺν τε μάλιστα...*). Далее следует пропуск. Аллен полагает, что пропущенная строка говорит о паломниках, которые сюда собираются не ради дел каких-нибудь (*κατὰ πῆξιν*), а ради бога, и всего более чтут его направление. Но так как речь Аполлона обращена к будущим жрецам, которым даются наставления, то естественно, что и наказание грозит за нарушение его предписаний. Следовать *ἐμὴν ἰθὺν* — пути, указанному богом, долг его служителей. Но людям свойственно уклоняться от предначертанного им пути (*ἢ θεὸς ἐστὶ καταδυνάτω ἀνθρώπων*). Аполлон вспоминает, что пред ним обычные смертные, и предостерегает их от возможных нарушений его наказа. Характерно и приведенное далее слово *ἕβρις*. Если человек проявляет *ἕβρις*, это значит, что он пытается выйти за пределы отведенного ему свыше места в жизни. Аполлон предписал жрецам, не утруждая себя обычными людскими заботами, служить при храме, следовательно удовлетворяться выделяемой им частью жертвенных животных. *ἕβρις* для дельфийского жреца может означать прежде всего попытку заняться какими-либо делами, не связанными с храмом. Криса до ее разрушения была торговым центром и морским портом Греции. Крисейская долина славилась своим плодородием. Близость цветущего торгового и земледельческого города не могла не отразиться на положении Дельфов. Наряду со стремлением Крисы прибрать к рукам дельфийский храм, несомненно, имело место и экономическое проникновение внутрь дельфийской общины. В самих Дельфах могли появиться группы людей, которые отнюдь не желали ограничиваться храмовыми доходами. Заинтересованные в связях с Крисой, они препятствовали стремлению Дельфов к автономии. Между тем претензии ведущей группы жречества на полную независимость Дельфов и от Крисы и от Фокиды в целом требовали обособления дельфийцев от окрестного населения и ограничения их занятий делами храма. Во второй половине VII в., в период создания пифийского гимна, дельфийское святилище вышло за рамки только локального центра культа. Дельфы претендуют на независимость, ссылаясь на свое значение общеэллинского святилища. Побочные источники доходов членов общины означали бы усиление экономических, а затем и политических связей с Крисой, следовательно умаляли значение Дельфов как общины храмовых служителей. Тенденция к автаркии, столь обычная в греческих полисах, принимает в Дельфах своеобразные формы в силу того, что здесь центром концентрации стал оракул Аполлона.

Пифийский гимн является агитационным произведением, написанным в период подготовки Священной войны по заказу той группы дельфийского жречества, которой вскоре удалось создать коалицию греческих государств против Крисы. Слова о *ἕβρις* в гимне являются, по нашему мнению, угрозой, направленной против той группы в Дельфах, которая про-

тивилась идее создания замкнутой жреческой касты и в силу своих связей с Крисой была против развязывания Священной войны. Такое толкование ст. 541—544/363—366 гимна, вытекающее из контекста, позволяет видеть здесь не *vaticinium ex eventu*, а намек на несомненно имевшую место внутреннюю борьбу в Дельфах накануне Первой Священной войны, детали которой нам, к сожалению, неизвестны. Наша традиция чрезвычайно бедна свидетельствами о внутренней жизни Дельфов. Известия о борьбе между знатными дельфийскими родами сохранились для более позднего периода — VI. в. до н. э.¹ Но есть все основания предполагать, что борьба эта уходит корнями в далекое прошлое.

Создание коалиции греческих государств в столь раннюю эпоху несомненно предполагает длительный период предварительной подготовки. Участники одной и той же коалиции, направленной против общего врага, могут преследовать при этом каждый свои цели. Известные нам результаты такой победоносной войны выражают обычно равнодействующую сил, представляющих интересы отдельных участников победившей стороны².

Пифийский гимн интересен для нас тем, что он позволяет выяснить требования, выдвинутые перед войной дельфийским жречеством. Одним из них является узаконение замкнутой жреческой касты в Дельфах. Что касается р а з р у ш е н и я К р и с ы, то гимн говорит в пользу того, что в период подготовки к войне Дельфы не выдвигали этого требования. Криса в гимне упоминается несколько раз (282/104, 438/260, 445/267), и при этом в миролюбивом тоне.

В разрушении своего торгового соперника, находившегося на противоположном берегу Крисейского залива, несомненно был заинтересован Сикион, участие которого в войне засвидетельствовано источниками. Без сильного флота Крису с моря невозможно было блокировать, а флот этот, очевидно, предоставил в распоряжение Амфиктионии Клисфен Сикионский. Дельфы требуют автономии и надеются получить ее, пользуясь поддержкой своих союзников и опираясь на их военную мощь.

Союзники же Дельфов преследуют свои цели в войне: Фессалия — укрепить свои позиции в Средней Греции, Сикион — уничтожить торгового соперника в Корийском заливе.

Из всего сказанного выше нам представляется возможным сделать следующие выводы. 1. Так называемый гомеровский гимн к Аполлону Пифийскому представляет собой произведение, написанное для прославления и возвеличения дельфийского святилища. — 2. Автор гимна заимствовал композиционные приемы ранее существовавшего гимна в честь Аполлона Делосского. В последующий период, когда тенденциозность гимнов потеряла свою действенность, оба гимна слились в один, чему способствовало одновременное исполнение их на празднествах с состязаниями рапсодов. В таком виде традиция сохранила нам оба гимна. — 3. Пифийский гимн можно датировать лишь приблизительно, скорее всего концом VII в. Он является агитационным произведением, написанным по заказу дельфийского жречества в период идеологической подготовки Первой Священной войны. — 4. Гимн дает возможность выяснить программу, выдвинутую в в конце VII в. дельфийским жречеством. а) Культ Аполлона в Дельфах — ведущий культ бога, который все земли прошел и не обрел лучшего места для своего святилища. Остальные места культа бога в Греции, в частности оракулы Фокиды и Беотии, замалчиваются³. б) Ничего не сказано о пред-

¹ См. А. Dovatour, Un fragment de la constitution de Delphes d'Aristote, REG, XLVI (1933), стр 214 — 224.

² О различных интересах участников войны против Крисы см. Л. М. Г л у с к и н а, Дельфы в период Первой Священной войны, ВДИ, 1951, № 2, стр. 213 слл.

³ Например, оракулы в Абах, Птое, Тегире и др.

шествениках Аполлона в Дельфах. Он избирает место для храма и сам, с помощью Трофония и Агамеда, строит его. Пустынные прежде окрестности заселяются с помощью Аполлона. Следовательно, территория Дельфов и их население священны. в) Дельфийский Аполлон должен привлекать к себе сердца смертных, ибо он носитель благого начала. Он вносит веселье на Олимпе, заботится о людях, основывая для них оракул, ибо они ничтожны и слабы, не зная замыслов бессмертных. Он убивает злое чудовище — дракона, приносящее смерть и несчастья живым существам. г) Дельфийские жрецы являются потомками критян, призванных сюда самим богом. Следовательно, они не связаны кровными узами (по отцовской линии) с местным населением и имеют право на автономию (против Крисы и Фокиды). д) Сам Аполлон предписал своим жрецам жить храмовыми доходами и не обременять себя обычными людскими заботами. Такова воля бога, нарушение ее — ἄβρις. Увлечение торговыми и денежными операциями, не связанными с храмом, грозит независимости Дельфов. Самостоятельность может быть сохранена только путем создания законсервированной жреческой общины. — 5. Дельфы в это время ориентируются на ограниченный круг греческих государств. Крит — колыбель целого ряда старинных установлений — оказывается тесно связанным с Дельфами. — 6. Требование разрушить Крису не выдвигалось дельфийским жречеством в период подготовки к войне. Оно, по-видимому, родилось в процессе ее ведения и по инициативе не Дельфов, а других участников коалиции.

Лозунги автономии и независимости Дельфов встретили благоприятный отклик у тех государств, которые были заинтересованы в усилении своего влияния в Средней Греции (Фессалия) и в сокрушении могущества Крисы (Сикион). Какие-то нарушения священных правил со стороны Крисы, действительно имевшие место или спровоцированные, явились поводом к так называемой Священной войне. Результаты ее вышли за рамки первоначальных дельфийских притязаний. Кроме гарантии автономии и ведущего места в Амфикионии, Дельфы получили в распоряжение храма всю крисейскую землю, посвященную Аполлону, Лето и Артемиде. Крисида, претендовавшая на господство над святилищем, оказалась разрушенной; возможно, пострадала и группа людей в самих Дельфах, настроенная примиренчески по отношению к Криси.

Нашедшая свое выражение в грядущей программе дельфийского жречества осуществилась в результате Первой Священной войны.

